

С
К 33

Кецай Кеккетын

ЭВ'НЬИТӨ~ КОЯВ'ТЕПЫЛАГ'ЫН ЭВНЫТО~ПАСТУХ

Панэнатвын
чав'чывачг'энаң
то мэльгытанаңычг'энаң

Повести
на корякском
и русском языках

Кеçай Кеккетын –
первый корякский писатель.
Художник Юрий Ви (Ви Ти Сен). 1995.
(Из собрания Портретной галереи
«Скрижали Камчатки»)

С
К 33

КОРЯКСКИЕ ПЕРВЫЕ СОЧИСЛАНИЯ

Написаны в корякском языке на корякском алфавите.
Авторы: Кецай Кеккетын, Эв'юито-Кояв'ъепылг'ын
Координатор: Илья Григорьевич Красильников
Корректор: Елена Григорьевна Красильникова

Кецай Кеккетын

Эв'юито-Кояв'ъепылг'ын

Панэннатвын
чав'чывачг'энаң то мэльгытанаңычг'энаң

Кецай Кеккетын Эвныто-пастух

Повести
на корякском и русском языках

Петропавловск-Камчатский
Издательство «Камчатпресс»
2010

УДК 82-311.2
ББК 84Р7-4
К33

Редколлегия: Ф. Н. Косыгина, Е. И. Дедык,
Г. Н. Харюткина, В. Р. Дедык, Г. Ю. Уркачан

Кеккетын Кеңай

К33 Эвныто-пастух: повести. – Петропавловск-Камчатский:
Камчатпресс, 2010. – 208 с. : ил.

ISBN 978-5-9610-0123-5

В книге представлены три основных произведения основоположника корякской литературы Кеңай Кеккетына: «Хоялхот», «Эвныто-пастух» и «Последняя битва». Особое значение издания – в двухязычной основе произведений, написанных на корякском языке и переведенных на русский. Бытовой реализм, искренность и точность в деталях, удивительный душевный настрой и семейно-бытовой уклад северян в сочетании со сказаниями – все это есть в произведениях корякского писателя. Повести К. Кеккетына не переиздавались с первой половины XX века. Издание представляет интерес как для узких специалистов, изучающих культуру и язык народов Камчатки, так и для широкого круга читателей.

УДК 82-311.2
ББК 84Р7-4

Перевод на русский:
«Хоялхот» – С. Н. Стебницкий (1939 г.);
«Эвныто-пастух» – Г. Н. Харюткина (2008 г.);
«Последняя битва» – Е. И. Дедык, Г. Ю. Уркачан (2008 г.).

Рисунки на вкладке и обложке –
работы детей Корякского округа
Камчатского края.

Выражаем сердечную благодарность за помощь
в издании книги Министерству по делам Корякского округа
Правительства Камчатского края,
местной общественной организации
«Ассоциация КМИС „Корякия“».

ISBN 978-5-9610-0123-5

© Министерство по делам
Корякского округа
Правительства
Камчатского края, 2010

ХОЯЛХОТ

1

Как морозит! Нагрудники пастушьих кухлянок* покрылись инем от дыхания. Над каждым оленем стоит столб пара.

— Товарищ! Товарищ! Давай просыпайся, совсем уже рассвело! Ой, и замёрз же я, — сказал пастух, молодой парень Хоялхот.

— Ну же, давай греться! Живо, ну! Однако даже не пошевельнуться — ноги совсем замёрзли. Давай лучше споём, так живо согреемся, — сказал другой юноша, спавший рядом с Хоялхотом, — Кайн'ылкут**.

— Вот и ладно! Споём песню про пляшущего с бубном Чачоля. Оба парня запели. Сами придумывают слова песни, чтобы смешнее было и чтобы скорее согреться им от смеха.

О-о-ок!-ко!-ко! Вот же я, какой я!
Моя жёна самая лучшая!
Вот же я, какой я! А-ха-ха-ха!

— Вот с какими словами я спел песню про Чачоля! Ну как, согрелся? — сказал, смеясь, Хоялхот.

— Да, немного начал согреваться. А вот, как гнилоштанный Тэкъев поёт:

Я, я, эдакий я!
Дочь моя красивая!

Снова запел Кайн'ылкут.

— Хоялхот! А ведь верно, у Тэкъева красивая дочка? Хоть они тоже бедняки, а дочь всегда чисто умыта и косы у неё украшены. Верно?

— Да, это верно. В прошлом году во время оленевых гонок я у них гостил, — начал рассказывать Хоялхот. — Вечером за игрой все время старался быть рядом с этой девочкой.

* Здесь и далее знак сноски отсылает читателя к примечаниям (с. 201). — Ред.

** С. Н. Стебницкий в своём переводе на русский оставил в именах апострофы. — Ред.

— Ну, хватит! Давай ловить ездовых. Дома лучше согреемся.
— Это верно, — согласился Хоялхот.

Стали ловить ездовых оленей. Быстро поймали и сразу понеслись домой.

Скоро показались юрты*. Виднеются три юрты. Посередине — большая юрта хозяина Нутэлкута. Эта юрта покрыта новыми шкурами. На покрытии положены свежесодраные замёрзшие оленьи шкуры. Налево маленькая юрта Хоялхотова отца, словно хромой человек, скосилась набок. Вход зашван дырявыми шкурами. Мёрзлых оленьих шкур почему-то не видно. Справа юрта отца Кайн'ылкута, такая же, как Хоялхотова.

— Пастухи едут! — крикнул возле левой юрты братишко Хоялхота. Он ещё носит маку*.

Хоялхот быстро распряг оленей и вошёл в юрту. В наружном помещении никого не было, все ещё пили утренний чай.

— Здорово, сын! Каково морозит? — спросил его отец Яхъях. — А ну-ка, иди, закуси перед чаем.

На чайной доске были положены три связки юколы* из горбуши, стояло несколько чашек с чаем. В углу полога коптела жировая светильня, очень чадила. На чайной доске больше ничего не было видно — только ещё лыко для вытирания чашек.

Отец уже пожилой, ему, наверно, лет пятьдесят. На макушке его головы плешина — это так нарочно пробрито. Отец низенький и худой. Мать тоже пожилая, ей лет сорок с лишним*.

За вторую связку сухой юколы уже принялся Хоялхот. Как только съел, стал чай пить. Полог* весь заполнился паром и согрелся. Все сняли кухлянки. Голое тело Хоялхота пятнистое. Кожа — как шкура пёстрого оленя: кое-где белые пятна видны, а больше — грязь. Но руки и всё тело его мускулистое. Едва взглянув, всякий подумает: «С этим лучше в борьбу не вступай — плохо придётся».

Чай пили пустой. Кончили чай пить. Открыли полог. В юрте только один полог, очень тесный. Перед самым пологом спускаются цепи для котлов. Дымовая дыра — словно рот бычка-рыбы, такая маленькая.

Как только открыли полог, во внешнее помещение повалил пар. Все надели кухлянки и снова сели. Отец Хоялхота вдруг побледнел. Начал поглядывать то на сына, то на жену. Хоялхот насторожился и ждал, что скажет отец.

— Сын, сколько тебе лет? — вдруг спросил отец, глядя в глаза сыну.

— Мне как будто лет двадцать, — сказал сын, взглянув на отца и взглядом как бы говоря: почему спрашивает?

— А ну-ка, погоди, — обернулся отец к жене. — Давно, когда я убил жирного медведя, этому было тогда десять лет. С того года трижды мы прозимовали за перевалом. С той стороны мы перекочевали на Мышиную речку. Там я чуть не замёрз в пургу...

Так Яхъях сосчитал годы сына, припоминая, что с ним было в каждом году. В точности подсчитал: девятнадцать лет сыну.

— Сын мой, тебе девятнадцать лет, — сказал отец сыну, окончив счёт. — В эти годы люди женятся... Сынок, хочешь ли жениться? — спросил отец, глубоко вздохнул и стал ждать, что ответит сын.

— Кого даёте мне? — спросил Хоялхот и сразу опустил голову, лицо его стало тёмно-красным, как сырая печёнка. Тотчас вспомнил он красавицу-девушку, дочь Тек'ева, Калян'. Словно прямо перед собой лицо её увидел и ни слова не слышал из того, что говорил ему отец.

— Сын, тебе говорю, слышишь?

Вдруг словно очнулся Хоялхот и посмотрел на отца.

— Говорю тебе: твоя невеста Мэллё, дочь Яёлалхота. Ей теперь восемнадцать лет...

— Папа, погоди! Я не хочу жениться на Мэллё. У меня есть невеста в другом стойбище, — заговорил вдруг Хоялхот, сам не понимая, что говорит.

— Молчать! Я — твой отец, что говорю тебе — слушай. Я давно хозяевам сказал: женю тебя на Мэллё. Хозяева согласились. Да и давно ещё, когда родилась Мэллё, я дал залог — нож. А теперь ты начинаешь говорить «не женюсь!» — разгневался отец на сына. — Не смей спорить с отцом! Никогда сын не возражает отцу. Не знаешь разве, как при нашей бедности я всех вас вырастил! А теперь подросли и уже думаете: «Дурной отец, незачем его слушаться!»

Хоялхот всегда был во всём послушен отцу и даже на окрики его не возражал; он сразу замолчал, потому что знал: отец сказал — возражать нечего.

— Папа, я же говорю тебе, у меня есть... — чуть не плача произнёс Хоялхот.

— Довольно, — ровным голосом сказал отец, — если так сделаем, как ты говоришь, все люди надо мной смеяться начнут. Пожалей отца. Я же отец тебе, знаю людей. А если самовольничать хочешь, тогда не жить тебе с нами — прогоню! — закончил отец сердито.

Послушный сын снова повиновался отцу, ведь отец всегда хороши был к своим детям.

— Ну как, хочешь жениться на Мэллё? — спросил отец.

— Не знаю, как по-вашему, — со слезами сказал Хоялхот отцу.

— Да ладно, ты же хороший сын, будь послушен всегда отцу и матери.

Вдруг послышались голоса людей, ловивших оленей.

— Ну, сын, идём к ловцам оленей. А завтра сразу отправимся свататься, — повеселев, сказал отец, и оба тотчас вышли из юрты.

Начали ловить оленей. Одного хитрого оленя никак не могут поймать.

— Хоялхот! А ну-ка, ты! — крикнул хозяин Нутэлкут.

Нутэлкут носит новую кухлянку без капюшона, нагрудник из росомашней шкуры, карманы вышиты бисером.

Не говоря ни слова Хоялхот бросился в середину стада, туда, где был хитрый олень. Нацепился арканом на хитрого оленя. Бросил аркан. Опаль промахнулся. Хоялхот словно повором* оленя опутал.

— Ого! А я-то думал — мимо Хоялхота пробежит! — пошутил Нутэлкут.

Хоялхот, словно это не он, так невесел, что даже ничего не ответил хозяину на его шутку.

Кончили ловить оленей, пошли чай пить. Все по своим домам пошли, только Хоялхот с отцом вошли к хозяину.

В юрте против входа полог Нутэлкута. Полог очень большой и высокий, тщательно выстланный шкурами оленевых быков. По сторонам от входа — полога батраков, эти полога такие же, как Хоялхотов.

Положили чайную доску, поставили красивые чашки хозяйские. Батрацкие чашки тоже поставили, но в стороне. Хозяйка дала каждому из них по кусочку хлеба и сахару. Она — женщина очень красивая, лицо совсем молодое.

Начали пить чай.

— Ты, Хоялхот, жениться захотел? — спросил Нутэлкут.

— Да, я захотел, — сказал Хоялхот.

— Что же, ты хороший работник, ладно, завтра же отправляйтесь свататься, — сказал Нутэлкут.

Едва выпив одну чашку чая, Хоялхот встал и направился к выходу.

— Постой, куда ты! — воскликнул хозяин. — Почему чай пить не хочешь?

— Я лучше по дрова пойду, да и не хочется чаю, — сказал Хоялхот и тотчас вышел.

2

Отправился по дрова. Идёт и вспоминает, как недавно на празднике оленых гонок сошёлся с Каляан'.

«Сколько тебе лет?» — вспомнил свой вопрос к Каляан'. «Семнадцать... А тебе сколько?» — «Не знаю, забыл я». — «Хоялхот, а я тебя постоянно во сне вижу. Почему это?» — «Наверное, заботлю я». — «Да нет же. Это просто так я тебя вижу».

Он пришёл на лесосеку и стал заготовлять дрова.

«Хоялхот, — снова стал вспоминать, — а мне всегда тебя видеть хочется. Но когда ты начинаешь смотреть на меня, очень мне стыдно становится и кажется, что люди смеются надо мной». — «Но я же кочевник... Погодя буду к тебе свататься. Скажу отцу... Как, маленькая Каляан', согласишься?» — «Я-то ещё как соглашусь. А только родители, наверно, не позволят нам». — «Ничего, мои-то, наверно, согласятся. Ну-ка, живо, не то нас застанут. Скоро ты моей женой будешь».

Так сказал Хоялхот молодой девушке, недавно встреченной на празднике оленых гонок. Товарищи всё играли, а они вдвоём забрались в тёмный полог и там начали разговаривать... До этого за игрой вечером Хоялхот случайно прикоснулся к груди этой красивой девушки*, и после они убежали от товарищей.

— Вот как, что же делать?.. — рубя дрова, сам себе сказал Хоялхот, стараясь позабыть красивую девушку Каляан'.

Быстро нарубил дров и домой отправился. Грузовую нарту до отказа нагружил — для хозяев.

Нарту остановил у средней большой юрты. Едва остановилась нарта, пошёл домой.

Домашние еду варят. Вокруг очага стоят котлы и чайники. В пологе сидят Яхъях с женой. Как только вошёл сын, прекратили говорить о чём-то и стали смотреть на сына.

— Что с тобою, сын? — спросил отец.
— Ничего. Поскорее торбаза* приготовьте. Надо в стадо скончее идти.

- А где товарищ твой?
- Не знаю, наверно дома, — сказал Хоялхот очень нехотя.
- Не торопись, поешь и чаю попей.
- Да что-то не хочется мне есть.

Начал торопливо обуваться. Хотел было выйти, но как раз вошёл товарищ.

- Уже готов? — спросил Кайн'ылкут.

Хоялхот сказал ему, что хочет поскорее идти в стадо, потому что ему незддоровится, хочется поскорее спать лечь. Он так нарочно сказал, чтобы не заметили, как сильно тоскует он по Каляан'.

Кайн'ылкут ничего больше не сказал, вышел, пошёл собираться.

— Ого, сын какой вырос да сильным стал! — сказал Яхъях жене, чтобы не говорить о женитьбе, потому что он догадался, как тоскует сын.

— Правда же, быстро! Давно ли он, ещё носивший маку, в весенне время прибегал домой весь промокший, — сказала мать Чачаммэ.

— Сын, ты вырос, стал всё хорошо понимать, скоро сам жить начнёшь — никогда не ставь себя выше старших. И хозяевам всегда послушен будь, даже детям хозяйственным, — сказал отец Яхъях.

- Да, ладно, буду послушен твоим наставлениям.

Ещё что-то хотел сказать отец, но вошёл товарищ по пастыбе — Кайн'ылкут, и Хоялхот, едва заметив товарища, тотчас встал, взял камлейку* и свёрнутый аркан.

Теперь пошли к стаду пешком.

Шли молча. Кайн'ылкут думал: «Почему это товарищ так невесел сегодня?» Он ещё не знал, что произошло с Хоялхотом.

— Товарищ! — вдруг воскликнул Кайн'ылкут, когда они стали подходить к стаду. — Или так сильно ты разболелся?

- Совсем я не болен. Расположимся на ночёвку, расскажу.

Стадо залегло на ровном холме, очень мшистом.

- Здесь расположимся, — сказал Кайн'ылкут.

— Ладно, положим под голову лыжи-лапки*.

Быстро сделали настил и легли.

— Ну, теперь расскажу, — сказал Хоялхот, ложась. — Ранней осенью были оленьи гонки у Чачоловых, — начал рассказывать Хоялхот, — там были и мои хорошие друзья. С нашего стойбища тоже туда поехали. И я с ними.

Вечером в день съезда гостей начали мы играть. Полночь наступила. Всё время я ловил дочь Тэкъева Калян'. Вдруг среди возни я случайно коснулся её груди. А она только засмеялась, не отказывает. Бросили играть в «догонки», стали играть в «волка». Я «волком» был. Погнался за «оленем». Вот ведь — сзади всех бежит Калян'! Сразу побежала туда, где были составлены грузовые нарты. Я догнал её среди нарт, стал щекотать. Перестали возиться, тотчас вошли в юрту — в её полог. Там никого не было... Ох, а теперь отец женит меня на другой девушке! Разве я могу противиться? А тогда я сказал Калян': обязательно ты моей женой будешь.

— Ой же, ой! — воскликнул Кайн'ылкут. — Ох, как худо. Я бы умер от такого!

— Ох!.. — ещё что-то хотел сказать Хоялхот, но замолчал. — Ладно, лучше спать будем. Пожалуй, завтра мы поедем свататься.

Замолчали. Потом заснули.

Утром рано встали и, возвращаясь домой, подогнали стадо.

После чаю поймали оленей, и Хоялхот в сопровождении отца и матери отправился свататься.

Под вечер показались юрты.

— Вон самая дальняя юрточка с тремя пологами, там и живёт твоя невеста, — сказал Яхъях.

Подъехали поближе — все вышли из юрт, и, казалось, все говорят Хоялхоту: «Жених! Жених!»

Не успели подъехать, как их встретили, распрыгли оленей. Женщины вокруг стоят, о чём-то разговаривают. Мать невесты вещи гостей начала вносить в юрту. Налево в группе женщин стояла девушка в новой кухлянке, тщательно причесанная, в красивых серьгах, смотрела на гостей.

— Мэллё! Чего стоишь? Помоги вещи вносить!

Кончив вносить вещи, сразу вынесли огонь, и все, кто входил к Яёлалхотовым, бросали в жертву огню пучок шерсти, вырванной из кухлянки.

В юрте три полога: в среднем старик Яёлалхот с носящими маку и с женой, направо — девушка, дочь Яёлалхота Мэллё, на-

лево – третий полог женившегося в прошлом году сына Яёлалхотова – Етыгына.

Мэллё сразу принялась кипятить чайники и наполнила котелок. Старики начали вспоминать, как раньше жили.

– Здоровы все на вашем стойбище? – спросил Яёлалхот.
– Да, пока хорошо. А вы как?
– Тоже покуда дышим. Только слышали, что в начале осени не стало моего шурина.

– Ёлтыгыйн'ына, брата твоей жены? – испуганно спросил Яхъях.

– Да, его.
Женщины отдельно разговаривали. И, наверное, тоже начали говорить о здоровье, потому что перестали смеяться, – лица их словно застыли.

Только молодёжь смеялась. Эти говорили не о здоровье, а только о том, как весело они играли.

– Сегодня тоже играть будем, как только начнёт смеркаться, – сказал молодой парень, сидевший рядом с Хоялхотом. – Товарищ приехал, скоро уедет, опять мы одни останемся.

Как только сказал это его товарищ, Хоялхот покраснел, как сырая печёнка стал, даже сказать ничего не мог.

– Да, верно, – сказал другой, ещё моложе. – Когда, товарищ, уедете?

– Мы? – спросил Хоялхот. – Не знаю.
– Где девушки? – спросил самый шаловливый паренёк Хэчгаят со смехом. – Эвийичын, скажи девушкам, как стемнеет – играть будем, скажи – гость приехал, он тоже играть будет.

Так сказал Хэчгаят Эвийичыну, стоявшему у шеста. Эвийичын, тринадцатилетний мальчик, сразу побежал по всем юртам, где были молодые девушки и девочки.

Ещё что-то хотели сказать парни, однако Мэллё поставила миску с мясом. Гости начали закусывать перед чаем, а также все желающие. Кончили есть, поставили чашки; нескольким не хватило чашек. Большинство соседей не пили чаю. Другие пили из блюдец и крышек от чайников. Чай пили все мужчины. Из женщин – только некоторые. Юноши совсем не пили чаю.

Пока пили чай, стало смеркаться.
Молодая женщина сняла с полога жировой светильник и подала Мэллё, чтобы та зажгла. Как только Мэллё зажгла

жирник и поставила его на подставку в самой середине полога – завесили полог и вошли в него все, кто хотел. Только молодёжь вышла из юрты посовещаться – в какую игру играть сначала.

Мать не отпустила Мэллё играть – может быть, гости захотят чаю, ей придётся вскипятить чайник. Мэллё тоже зажгла жирник и принялась шить.

Соседи все вышли из юрты.

Слышались весёлые голоса молодёжи.

Мэллё за шитьём приятно шуршала нитками из сухожилий.

Яхъях начал спрашивать. Яёлалхот согласился отдать дочь.

– Да, согласен, чтобы так было, – сказал он с глубоким вздохом. – Мэллё, войди сюда!

Мэллё вошла в отцовский полог и спросила весело:

– Чайник вскипятить?

– Нет, погоди, – сказал ей отец, – вот его сын – твой жених. Люби его и не отказывайся – они нам близкая родня.

Мэллё сильно покраснела и ничего не сказала, только словно вдруг обессилена.

3

Невдалеке от юрты был склон – место игр молодёжи. Из дома взяли водовозные салазки и лёгкие нарты. Девочки впереди всех побежали на каток.

– Ну-ка, устроим гонки! – сказал самый шаловливый пареньёк Хэчгаят. – Ая! Я тебя своей женой посажу.

– А ты, Хэггыт, – моя старуха, – сказал Хэчгылэ, самый старший, ему лет двадцать с лишним.

– А ты – моя!

– А ты моя невеста! – так сказали многие парни.

– А я без жены остался, – сказал со смехом Хоялхот, когда увидел, что все парни разобрали девушек.

– Позовите Мэллё, скажите ей – играть будем, скажите, что гость тоже играет, – сказал девочкам старший парень.

Тотчас все девочки побежали к юрте Мэллё. Долго не выходили. Потом вышли без Мэллё и сказали, что у Мэллё болит голова, поэтому она не может играть.

– Ну, тогда мою возьми, детскую, а я пусть буду неженатым, – со смехом сказал молодой парень и посмотрел на красивую девушку, свою якобы жену.

Эта красивая девушка только взглянула на Хоялхота и сразу застыдилась, потому что в первый раз его видела.

– А ну! Приготовьтесь! – воскликнули несколько парней.

Все сели на нарты и водовозные салазки.

Покатились, засмеялись, иные запели. Ой! Первые санки накренились и упали. Паренёк упал, его названая жена – на него. Остальные не могли направить санки в другую сторону, потому что совсем близко друг от друга катились. Все попадали друг на друга, санки – на них. Беда! Одни хоочут, другие стонут. Первым встал Хоялхот со своей «женой». Как только все поднялись, решили:

– Довольно кататься в темноте. Лучше будем играть в догонаялки!

– Идёт! – едва услышав слово догонаялки, воскликнула Хэггыт и побежала, хлопнув по спине Хоялхота.

Хоялхот пустился за ней к складу грузовых саней. Прочие тоже погнались за девушками. Хоялхот, как только нагнал Хэггыт, запяtnал её и пустился бежать к товарищам. Вскоре все собрались и начали бороться – парни с девушками. Девушек окружили и согнали в кучу. Некоторые озорники стали брать их за грудь. Девушки кричали, не позволяя. Прочие парни, стоя вокруг, смеялись.

Вдруг насмешников кто-то толкнул в спину и они полетели прямо на девушек. Девушки радостно закричали, увидев, что к ним на игровую площадку пришли две женщины, тоже совсем молодые, детные. Их мужья были в отлучке на соболином промысле. Девушки повскакивали и сами стали нападать на парней.

Но борьбу скоро прекратили, потому что парням пора было идти на ночную пастьбу. Хоялхот тоже пошёл с ними. Этим он себя выдал – все парни догадались, подумали: «Видно, это же них, вот почему Мэллё не вышла играть».

А на другой день, когда стадо погнали к стойбищу, он пошёл заготовлять дрова для семьи Мэллё*.

Когда Хоялхот вернулся от стада, Мэллё уже не была весела по-вчерашнему и не кипятила чайник. Тогда лишь, когда мать прикрикнула на неё, наполнила чайник и, едва чайник вскипел, бросила чайную доску, но чашек ставить не стала. Она очень стыдилась.

Да, видно, и Хоялхот не меньше стыдился, даже в лице изменился. Когда увидел, как Мэллё бросила чайную доску,

едва не выскочила из юрты наружу, подумал: «Ни за что не женюсь на этой, кто бы ни пытался женить меня... Эх, женился бы я на Калян'». Однако сдержал себя, ибо, если бы выбежал, сразу все товарищи насмех подняли бы, тогда ещё стыднее было бы.

Он взял брошенную чайную доску без единого слова и хотел было взять ящик с чашками, но ему сказали:

– Сам не делай! – И тотчас стали бранить Мэллё.

Мэллё ещё пуще застыдилась и, досадуя на себя, начала расставлять чашки.

Как только Хоялхот принял пить чай, вошли его «проводжатые» и сказали, что сейчас будут собираться домой.

Хоялхот побледнел, про себя подумал: «Как быть? Что будет, если всегда такой будет эта дрянная девчонка!? Проклятая! Вот стыд! Ну, погоди же, пусть только мне придёт время „хватать жену“, не пощажу тебя! Недаром все наши люди силой жениются».

Одну чашку чая выпил, встал и спросил отца:

– Пора оленей ловить?

Отец сказал:

– Лови.

Быстро вышел, пошёл ловить оленей. Когда он подходил к нартам, его нагнали новые друзья и помогли ему быстро поймать ездовых оленей.

Окончив ловить оленей, вошёл в свой новый дом, туда, где так сильно был пристыжен. Когда вошёл, догадался – родители бралили дочь, так плохо относящуюся к своему жениху.

Как только заметили вошедшего Хоялхота, прекратили бранить девушку и сказали ей:

– Собери вещи отъезжающих.

Однако родители Хоялхота присутствовали при том, как бралили девушку.

– Сын, мы уезжаем, а ты теперь жених, здесь останься. Попущен будь тестю и тёще. Они теперь тебе вместо родителей.

– Да, верно, сущую правду сказал сородич! – воскликнул Яёллакхот с радостью, потому что подумал: хорошо, что Яхъях считает их близкой родней.

Хоялхот ничего не сказал, только вспомнил опять красавицу Калян' и сказал про себя: «Если бы на Калян' я женился, никогда бы она меня до такого позора не довела и меня бы она

не стыдилась... Но нет, хоть и через силу, буду держать себя твёрдо».

Мэллё быстро вскипятила чайник для отъезжающих и пошла за юколой к грузовым саням*. Принесла самой лучшей кетовой юколы и положила для всех собравшихся.

— Ого, сородич, хороша у тебя юкола — кетовая, словно из ча-вычи, — жуя юколу, сказал Яхьях.

— Да, в этом году река Куллыун была богата кетой. Я был бы очень рад, если б ты согласился взять домой этой кетовой юколы, — с радостью сказал сородичу Яёлалхот.

— Спасибо, подари уж мне хорошей юколки.

— Дочка, — позвал Яёлалхот, — принеси юколы и новый ремень, этим летом сделанный, — подарим нашему свояку и сородичу.

Снова вышла Мэллё и принесла большую охапку кетовой юколы и длинный ремень для аркана.

После чаю Хоялхот запряг оленей в две нарты, и родители его уехали.

Как только уехали родители, он отправился по дрова для семьи своей невесты. «Видно, так уж и придётся мне жить с плохой женой, — думал Хоялхот, заготовляя дрова. — Что же, как быть иначе?» И как только сказал себе это, быстро нагрузил дрова на нарту и потащил её домой.

Вернувшись, не вошёл в дом невесты, думая, что так же, как недавно, поведёт себя девушка. Пошёл к товарищам. Юноши возились в хозяйской юрте, в пологе, ближайшем от входа. Это был полог старой девы Айи, до сих пор никем не взятой замуж. В хозяйской юрте над очагом висели четыре больших чайника.

Хоялхот присел возле играющих юношей. Как только они заметили его, перестали возиться и заговорили с ним. Потом попили чаю и после вышли все вместе, кто-то из них сказал:

— А ну, давайте бороться! — И тотчас он сбросил с себя кухлянку и стал перед Хоялхотом, вызывая его на борьбу. Все юноши смотрели на Хоялхота, как будто говорили: «Разве не будешь бороться?» Зовущий на борьбу Хэчгылэ стоял, растирая голые плечи и грудь снегом и глядя на Хоялхота.

— Ого! Бороться будут! Бороться! — закричал мальчик и побежал по всем юртам.

Мужчины и женщины высыпали из юрт смотреть.

Только Мэллё не видно. Верно, догадалась, что её жених будет бороться.

— Ну же, ждут тебя! — кто-то сказал Хоялхоту. Хоялхот тотчас скинул кухлянку и тоже принялся натирать плечи снегом.

И вот начали бороться. То и дело толкают друг друга в грудь. Ни один не поддается.

— О, так, так! А ну-ка, Хэчгылэ! Так, так, Хэчгылэ! Одоловай жениха!

Услышав эти слова, Хоялхот сказал себе: «Нет, ни за что не сдамся! Даром что ли отец меня с ранних лет посыпал по дрова».

Все силы свои собрал и, развернувшись влево, положил противника.

— Ну! Хоть этого свалил!

Как только положил первого, второй кинулся. И этого положил. Ну, а прочих, словно рукавицы с рук, — так легко бросал — слабосильными оказались. В этой борьбе Хоялхот оказался самым сильным.

Как только кончилась борьба, вернулся в юрту невесты. Вошёл — уже вскипятила чайник его невеста и юколу на чайной доске положила.

— Ну, зятёк, поешь перед чаем, — сказала хозяйка, мать Мэллё.

— Да не очень хочется. Однако поем всё же, потому что на пастбище, пожалуй, проголодаясь.

Поел и попил чаю, а потом, немного погодя, переобулся и к товарищам пошёл, тоже собиравшимся на пастбище. Пришёл. Товарищи были уже готовы. Сразу все отправились к стаду.

4

Так прожил Хоялхот два месяца, выполняя работу жениха.

Однажды он один собирался идти на пастбище. Вдруг тёстерь, отец Мэллё, подошёл к нему, надевавшему лыжи-лапки, и сказал тихо:

— Теперь можешь хоть бы и начать «взятие невесты»*.

Ого, как только это ему сказали, сердце чуть не выпрыгнуло из груди, подумал: «Как быть?.. Или сегодня же ночью вернуться от стада?.. Нет, невозможно! Что это со мною? Стыд-то какой!.. Да разве я один так? Ведь весь наш народ так женится».

Как только сказал себе это, решил, что сегодня же ночью придёт от стада, чтобы впервые увидеть невесту с глазу на глаз.

Идя к стаду, словно в лесу блуждал от множества разных мыслей. Опять, как давеча, когда в первый раз сказали ему «женись на Мэллё», стал вспоминать прежнюю подругу – Калянан': «Теперь уж, пожалуй, никогда не быть мне с нею вместе. Теперь вижу: навсегда мы расстались».

Так, раздумывая, не заметил, что уже сидит среди оленей.

«Ну так как же, что же делать? Видно, судьба не захотела соединить меня с любимой Калянан'».

Облака разошлись на небе, и, казалось, звезды ласково глядят на него, иные из них словно искры. Олени телята возле него тихо похоркивают, трутся около маток. Важенки мирно всхрапывают и тихо постукивают рогами.

Вдруг далёкий заячий крик донёсся со стороны леса, и от этого красивого звука словно ещё глубже в себя ушёл Хоялхот.

Взглянул на небо – созвездие Кэйымыч уже подошло к полуночи. Тогда он быстро встал на ноги и бегом пустился к стойбищу... «Что делаю?! Ведь сейчас решается моя дальнейшая жизнь».

Вошёл в юрту. Все храпят. Тотчас жених прошёл в полог Мэллё. Мэллё проснулась, в темноте слышно было – она села.

«Принесло тебя, чёрт!» – про себя сказала она, когда увидела вошедшего жениха.

«Ой-ой, что делаю! Но будь что будет!» – подумал Хоялхот.

Тотчас бросился к невесте, хотел схватить её грудь. Но девушка не далась. Тогда стали бороться. Полог покачнулся и покрыл их, как сетка от комаров. Он повалил девушку и придавил, как важенку перед убоем. Тут она отняла свои руки от груди, и потерявший рассудок парень наложил ей на грудь свои ручищи. Вдруг блеснул острый женский нож для кройки шкур. Но жених выхватил у Мэллё нож и отбросил в середину юрты. Тотчас вышел и ушёл к стаду. «Эта девчонка как мышь сопит – от плохого сердца это или оттого, что последние силёнки сбрана?»

Хоялхот медленно шёл к стаду, и так плохо ему было, как будто завтра предстояло ему быть убитым.

Так несколько ночей подряд являлся к невесте. Девушка по-прежнему не сдавалась.

Всё стойбище уже узнало о том, что «взятие невесты» началось. Мэллё и Хоялхот не раз слышали замужних женщин, говоривших: «Или у неё другой, тайный муж есть? Почему не может он смирить её? Отчего это? Когда с нами совершили „взятие невесты“, наши покойные родители говорили нам: едва коснутся твоей груди руки жениха – ты уже принадлежишь ему. А эта, словно медведица какая-то, даже ножом отбивается от жениха. Худо это!»

Слыши такие речи, оба, насильно принуждаемые к браку, очень стыдились. Каждый из них думал своё:

«Теперь, если не смогу смирить в эту ночь, брошу её. Вот негодная... Но ведь тогда весь народ узнает, проходу не дадут мне... Да ладно, всё равно, пусть хоть убьют меня», – так думал жених.

«Не поддамся ни за что, что бы со мной потом ни сделали!» – так думала невеста.

Темнело, когда Хоялхот пришёл с лесосеки. Тёща начала поить чаем. А Мэллё, едва жених заходил в юрту, тотчас выходила наружу.

Когда наступила темнота, Хоялхот не стал собираться в стадо. Вся молодёжь уже ушла на пастбище.

Мэллё стала совсем на себя не похожа. Весь вечер лицо её было от гнева красно, как прокисшая печёнка.

Все легли спать и заснули. Только они вдвоём, оставшись одни, сидели и тяжело вздыхали.

– Перестань. Домой вернись. На что сюда притащился жить! – впервые заговорила она с женихом, когда они оба вошли в полог. – Всё равно никогда не буду тебе женой. Верно же, убью тебя, если начнёшь насильничать.

Бедняга жених смолчал, словно немой был, только подумал: «Всё равно, пусть хоть и убьёт меня».

Снова принялись бороться, и теперь эта строптивая девушка сопротивлялась чем попало – зубами, ножом, ногами, головой. Полог упал, от девушкиной кухлянки оторван весь перёд.

До того боролись, что оказались все в пешле, потому что, борясь, то и дело прямо в очаг попадали. Посильней была бы женщина да чуть послабей мужчина – давно бы разорвала его в клочья.

«Что же это? Родители сами отдают меня ему. Как быть? Ославят меня», – так вдруг подумала Мэллё во время борьбы и изо всей силы ударила его по щеке...

И тогда бросилась на подстилку из шкур, легла, как заколотая воженка.

Так сдалась она этому медведю и – словно от дурмана очнулась – легла с ним и обняла его.

5

На другой день рано утром встала Мэллё, вскипятила чайник и напоила чаем всю семью. После чаю сложила все чашки и принялась чинить торбаза Хоялхота.

Так женился Хоялхот, и уже месяц прошёл с тех пор, как он женился. Теперь каждую ночь проводил в юрте, только вставал раньше всех и уходил в стадо. А вернувшись, дважды отправлялся по дрова – для семьи невесты и для хозяина.

Однажды, вернувшись с дровозаготовки, только стал входить в юрту, как вдруг вошёл хозяин, сказал:

– Теперь можешь, пожалуй, хоть и домой вернуться.

Про себя Хоялхот очень обрадовался, но хозяину сказал спокойно:

– Что ж, пожалуй завтра и покочуем.

И, как нарочно, как раз приехал его друг Кайн'ылкут. Из всех юрт потянулись к Хоялхоту с женой соседи напоследок поговорить с женой.

На другой день встали спозаранку, чтобы успеть наловить оленей. Ещё не совсем рассвело, а уже начали ловлю.

– Ну-ка, воженку, как поближе подойдёт, отделите, – сказал Хоялхоту отец Мэллё.

– Да, пожалуй, только пускай поближе подойдёт, чтобы не потерялась, а если сейчас ловить – удерёт.

– Ну, с женой всё-таки хорошо обращайся, как с сестрой, ведь близкая родня она.

– Об этом не беспокойся. Коли взял, до плохого не доведу. И не думай, что плохо с ней буду обращаться.

За ловлей оленей, с глазу на глаз оказавшись, разговорились Хоялхот и Яёлалхот.

– Смотри, о муже хорошенъко заботься. Не вздорьте. Обшивай его хорошо и усердно. Он муж тебе и к тому же близкий сородич. А если услышим о тебе, что мужу непокорна, – сама же изобью тебя! – говорила уезжающей дочери мать. – Я такова! Коль взрастила тебя, должна ты меня слушаться.

— Конечно же, всегда с большим вниманием слушаю твои слова... И впредь будет: вспомню — мать так говорила, а раз мать, значит, это верно.

Кончили ловить оленей и нагружать нарты. Сели чай пить.

— Ну, счастливо кочевать вашей молодой семье! Глядишь, скоро и третий сородич появится. С этих пор в здоровье живите. И пусть беспрестанно множатся дети ваши, — за чаем сказала какая-то старушка с поседевшей головой, гноящимися глазами и лицом цвета пепла.

— Вот же, совершенно верно, сущая правда! И, кроме того, наше стойбище не забывайте. Почаще по старинному обычаю гостить заезжайте, родство крепите. А? — сказала молодая женщина, гладко причёсанная и чисто вымытая, — эта, конечно, не из беднячек.

— Да уж, конечно, в гости приезжать будем: хоть он и не захочет, заставлю его силой — на то я жена.

— Не в диковину, коли откажется, — не дикий олень, коль не куражится, — со смехом сказала мать Мэллё.

За разговорами не заметили, как весь чайник выпили, да, пожалуй, и ещё хотелось многим, потому что кто-то уж сказал: «Ещё чаю попьем». Однако Хоялхот даже и сидеть не мог от нетерпения.

Все вышли провожать. Быстро запрягли оленей и составили караван, да не велик — всего одна грузовая нарта — только спальный полог.

За ведущего каравана — Кайн'ылкут, за ним Хоялхот, а в караване — Мэллё.

— То-ок! Счастливо! — воскликнули стоявшие.

— Счастливо! — ответил один Кайн'ылкут. Остальные двое не произнесли ни звука; он, наверное, от смущения, а она оттого, что не могла сдержать себя — слёзы одолели её, кусая себе губы, втихомолку плакала: «Эх, как жить буду? Покидаю взрастивших меня отца и мать! Быть может, навсегда покидаю их. Никогда, может быть, не увижу их».

«Конец! — думал Хоялхот. — Как говорится, навсегда прощай, Калян'. Где она? Не умерла ли? Ох, пожалуй, лучше бы умерла, чтоб и не видеть больше! Или в жёны взял кто-нибудь? Подобно мне насилию своей женой сделал?»

«Эх, кажется, один я остаюсь неженатым. Давно бы и мне начать жену присматривать, ведь все товарищи мои уже пере-

женились кто где», — так думал проводник семьи Хоялхота — Кайн'ылкут.

— Куда же мы теперь поедем, по-вашему? — спросил Хоялхот; наверное, отгадал грустные мысли спутников и подумал: «Лучше начнём разговаривать».

— Не знаю, кабы знать, какая погода будет, — сказал ехавший впереди, всё ещё в задумчивости. — По-моему, лучше всего было бы выехать на Еврашечью реку.

— Что за Еврашечья река? Первый раз слышу, — вдруг спросила, тоже как бы пробудившись от сна, молодая женщина.

— Еврашечья река? А вон, гляди: лес видишь, от него туда подальше влево, в правую сторону течёт, — ответил ехавший посередине.

— Пожалуй, только до неё и доберёмся сегодня с нашим кара-ваном, слишком грузным.

И верно рассчитала эта сметливая женщина, действительно, на закате солнца расположились на ночёвку как раз на этой речке. Быстро поставили полог и развели огонь. Потом подвесили котёл, хоть и было-то всего в нём только мясо толстых телят.

Ещё заканчивали еду, когда солнце зашло. Женщина принесла воды и, чтобы вода не замёрзла до завтра, зарыла в снег наполненные ею котёл и чайник.

На другой день, едва лишь засветилась заря, Мэллэ начала кипятить чайник. Хоялхот перевёл ездовых на мшистое место и нарубил добавочных дров. Кайн'ылкут принялся убирать постель.

Как только попили чаю, покочевали дальше, сперва вдоль опушки красивого леса, а потом достигли речки, которая шла до стойбища Нутэлкута. Справа виднелись стройные горы, — те, что тянутся по берегу моря.

Вдруг словно сама развернулась перед ними ровная тундра. Далеко слева виднелся небольшой лесок. «Отдельный березняк», — так назвал Хоялхот этот лесок, когда спросила его ехавшая сзади Мэллэ.

Они любовались красивой окрестностью. Вдали большая река, летовые села В***. По берегам реки — ровная кайма леса, как будто люди нарочно насадили деревьев для украшения этой реки. В стороне от неё видна Мальковая речка, которая впадает в старую реку, ровно текущую, как ключ, с красивы-

ми обрывистыми берегами. По эту сторону реки было несколько юкольников и складов – это летовые Нутэлкутова стойбища. Склады и юкольники были поставлены возле ровного мыска, который был сразу за складами. Летом этот мысок всегда покрыт густой травой и кустарником, а осенью на нём полно ягод, а значит, и куропаток.

Путешественники стали подъезжать к другой речке, ещё меньшей, чем та, на которой было Нутэлкутово летовье. На этой речке никакого жилья не было. По берегам её были отмели, ровные, как на морском берегу, и даже ещё ровнее, камешки там были красивые, разноцветные, некоторые совсем как ягоды – круглые и сплошь чёрные. Эта речка впадала в ту, на которой стояло Нутэлкутово летовье. Летом она была совсем мелкая, так что верхний плавник гольцов, проходивших по ней, торчал над водой; однако всегда здесь бывало рыбно. Поэтому каждый год летовал здесь старик Анику. Вот за то и прозвали эту речку «Анику-речка».

Однажды летом по всем рекам начался голод, потому что очень сильно разлились все реки, на коне – и то невозможно было переехать. А Анику тогда на своей речке по колено в воде бродил, доставая рыбу из вершней. После наделял рыбой жителей других рек. Осень настала, люди начали уйка ловить, а ему незачем, знай, ест жирных гольцов, даже сам растолстел, хоть и одинокий.

За этой речкой другая – Мальковая речка. Тут приободрился Хоялхот; здесь он с малых лет в течение всего лета приучался рыбачить.

– Эта речка – моя родина! – сказал Хоялхот спутникам. – На этой речке мы один раз чуть не потонули со страху. Беда! Ну и удирали тогда, всю одежду на берегу оставили – показалось нам, что вредоносный дух нас настигает. Перестали ходить туда ловить гольцов и купаться. Однако сколько-то дней прошло, снова отправились. И с нами вместе пошёл мальчик постарше – Выйкка. Он сказал нам: «Удирать не смейте, проучим его».

И что же? Снова появилось страшилище в белой одежде, большеротое. К нам подходит, приплясывая. Выйкка развернул прашу да как пальнет камнем. И тут как взывило это страшилище – прямо в лоб ему угодил. На другой день мы встали – у нашего «страшилища» на лбу большая шишка. Оказалось – это старуха с нашего стойбища. С тех пор мы больше ничего не боялись.

Когда кончил рассказывать Хоялхот, сразу же показались юрты родного стойбища. Стоят, как и прежде, три юрты и по-прежнему выглядят, но стоят уже на другом месте. Стадо дома – ловят оленей для убоя. Все три юрты гостеприимно дымят. Как раз полдень настал.

Стали подъезжать. На стойбище три раза выстрелили из ружья. И Хоялхот в ответ тоже выстрелил несколько раз, нацеливаясь повыше верхушек юрт. Это будто бы убивали вредоносных духов*, чтобы не заболели встречающиеся люди: от юрт стреляли, чтобы убить вредоносных духов, сопровождающих пришельцев, а Хоялхот должен был убить вредоносных духов, устремившихся к нему навстречу от стойбища. Так всегда делали раньше чавчувины при встречах.

Приехали. Сразу их окурили дымом. От кухлянок отодрали по пучку шерсти и принесли в жертву – вредоносных духов на-кормили этим.

– Ну вот же, наконец брачным караваном прибыла новая семья! – в один голос воскликнули все женщины. Потом вошли в юрту. Юрта тотчас вся заполнилась женщинами, словно верша*, набитая рыбой.

– А ну-ка, я взгляну на новую подругу! – со всех сторон слышатся голоса среди теснящихся женщин.

Потом вошло несколько мужчин, тоже полюбопытствовать. Попили чаю, вышли. Тут же убили яловую важенку для угощения на радостях встречи. Как только вышла Мэллё, лоб и щеки ей намазали кровью, чтобы сама она не досталась на угощенье вредоносным духам, вредоносные духи якобы испугаются крови и не тронут её.

Едва Хоялхот кончил пить чай, как уже оказался в стаде, а когда кончили ловить оленей, помог отогнать стадо в тундру.

После вернулся и сразу отправился заготовлять дрова для хозяев.

– Привет, сестрица, наконец брачным караваном прибыли! – вдруг воскликнула, входя, хозяйка Юлтын’э, очень красиво причёсанная, голова, как летний холм в цветах, – разукрашена бусами, уши в серьгах и совсем ёщё молодая.

– Да, правда! – ответила Мэллё очень робко.

– А у меня вот ведь беда какая – не могу шкуры обрабатывать. Руки разболелись. А дела сколько! – сказала Юлтын’э, обернувшись к окружающим женщинам. – Теперь скоро уж, на-

верное, отсюда откочуем, чтобы можно было вам свой брачный полог поставить, — снова обратилась Юлтын'э к Мэллё.

— Вот это очень хорошо! — сказали обе — Мэллё и мать Хоялхота Чачаммэ. — А коли занемогла работать, хоть шкурки мы можем взять, чтоб поскоблила моя невестка. Она молода, руки сильные, — прибавила Чачаммэ, не глядя на хозяйку, ибо знала она: эта женщина совсем не больна, а просто ей немного стыдно прямо сказать только что прибывшей женщине: принимайся работать на меня.

— Вот за это спасибо! Очень вы меня обрадовали! Вот ведь какая я, приготовила и забыла захватить подарок для встречи — сахарку немного. Погодя принесут. Хоть сахарком побалуйтесь, — сказала Юлтын'э.

— Дочка, сходи вместе с хозяйкой, принеси гостинец и ещё шкурки для выделки, — сказала Чачаммэ невестке.

Вышли они. Осталась одна Чачаммэ. Вдруг вошёл Яхъях.

— Где невестка?

Жена ответила ему:

— Ушла к хозяйке, принести кое-что надо.

— Уже успела взять бабёнку в работу. Вот ведь, с той поры, как начали мы здесь жить, — словно как олени в упряжке — нечего строптивость показывать в рабском положении, — сказала Чачаммэ. — А тем более они — покуда молоды, ничего, если им и лишней работы дадут.

— Говоришь — уделит нам чего-нибудь, а на самом деле ни чуть не бывало, такая жадная разве даст что-нибудь? Богатей только о своей семье заботятся, а до нас им какое дело. Ничего не дают нам, ровно ничего. Только когда заказ даёт какой-нибудь, наделит горсточкой сахара. В промежутках между работой в стаде зверя добывать приходится, чтобы отдать за чай, — опять проговорил Яхъях, ещё больше расстроившись. — Привет, невестка! Наконец-то увиделись! — воскликнул Яхъях, как только увидел Мэллё, вошедшую с охапкой шкур.

— Да, наконец-то мы прибыли! — ответила Мэллё, застыдившись. Вскоре и Хоялхот вернулся из стада.

6

Так зажила молодая семья. Жена дома работала, шкуры скоблила для хозяйки и прочую женскую работу выполняла. А муж в стаде и на заготовке дров — для хозяев.

— А ну-ка, торбаза зашей... Вот эту шкурёнку телячью поскобли... Этот дрянной торбазишко почини... Кухлянишку без капюшона сшей, у меня что-то пальцы разболелись... — То и дело заходила хозяйка задать Мэллё какую-нибудь работу, иногда приносила горсточку сахара, несколько кусочков хлеба — для очистки совести.

— Ладно, это мне как раз по душе, быстро кончу, — каждый раз говорила молодая женщина, когда хозяйка приходила с заказом.

Так же и муж — с раннего утра в стаде. Окончив пастьбу, дрова заготовляет для своей семьи и для хозяев.

Так прошло два месяца со дня приезда их на это стойбище, домой. Мэллё забеременела и, вот ведь, очень ласкова была к мужу. Иногда муж долго не возвращался от стада или с лесосеки, тогда она выходила из юрты, долго смотрела в ту сторону, откуда он должен был показаться. «Да где же он? Быть может, зашибся? Что с ним?» — думала она.

— Очень уж много беспокойства из-за тебя. Хоть когда-нибудь пораньше вернулся бы, — однажды сказала мужу, в полночь возвратившемуся от стада.

— Да как тут будешь, надо же за стадом следить, чтобы не болтали понапрасну хозяева, чтобы ничем не попрекали меня. Лучше целый день не евши буду, только бы не слышать попрёков, — отвечал он жене. — А вот только пальцы на ногах я все поморозил, надо бы торбаза зашить.

Жена, услышав это от молодого мужа, сильно застыдилась, подумала: «Вот ведь, людей обшиваю, а муж мой мёрзнет».

Настало время наста, потеплело. Настал месяц молочных важенок*. День был ясный. Солнце взошло яркое. Припекло. Снег днем становился рыхлым. У куропаток вокруг глаз обозначилась красная кайма. Зайцы начали подавать голоса. Лисицы стали совсем бесстрашными: знают, что теперь их убивать не станут. У оленевых быков — молодые рога, покрытые тонкой шкуркой. Годовалые бычки и лоншаки* тоже выпустили рожки. Раздались носящие плод животы важенок*.

После ловли оленей попили чаю, а потом снова стали собираться на работу, тут кто-то сказал, что сосед Йикэй устраивает оленные гонки на дальнее расстояние. И как раз приехал с того стойбища какой-то молодой чавчувен в красивой кухлянке — это сын Йикэя Кыяв.

Этот человек, подъезжая, разогнал оленей и пронесся мимо юрт. Все догадались, что это вестник. Подбежали к нему, распрыгли оленей – красивого быка и крупную важенку.

– Ой-ой, ездока на этаких оленях, пожалуй, никто не обгонит! – воскликнул бывший среди встречающих Яхъях, обращаясь к сородичу Кыяву.

– Да нет, плоховаты для езды по насту, – нарочно возразил Кыяв, любуясь стройными ногами быка.

Пошли к юрте. Проходили мимо крайней – Хоялхотовой юрты; тут была привязана пара плохоньких Хоялхотовых оленишек для весенней езды по насту, тощих, мелких, коротконогих и некрасивых.

– Вот эти, так, пожалуй, совсем недалеко уйдут! – с усмешкой сказал Кыяв, оглядев всех окружающих. – Этаких, пожалуй, и на своих сегодняшних я легко обгоню – совсем дрянnyе!

Бывшие вокруг Кыява только усмехнулись, но никто ничего не сказал, а Хоялхот покраснел и подумал: «Напрасно оленями меня попрекает, оленей к весне я хорошо выдержал». Потому-то товарищи и усмехнулись только, ничего не сказав, знали – Хоялхот очень умелый в оленеводстве.

– Завтра у нас собрание, – сказал Кыяв, насмеявшись. – Все приезжайте. Очень много народу собирается со всех стойбищ, и участников гонок будет много... Этих вот моих оленишек намечаем тоже для гонок, – сказал Кыяв и снова поглядел на всех по очереди, а потом на своих оленей.

– Да с нашего стойбища некому, пожалуй, участвовать в гонках, что делать, какие уж у нас олени? Я в своем стаде не видел лучших, чем эти, – сказал Нутэлкут.

Прибывший вестник вошёл в юрту. Вместе с ним вошёл Нутэлкут. Остальные все пошли подогнать стадо, и Хоялхот с ними. Ещё пока не приехал Кыяв, собирались ловить оленей. Погодя вернулись, отбили нужных оленей, и все работники отправились по дровам, чтобы тем, кто завтра дома останется, не было недостатка в дровах.

На другой день встали рано, наловили оленей, отправились на праздничное стойбище. На стойбище остались только старики да старухи, да несколько ребятишек.

Показались четыре юрты. Площадка между юртами подготовлена для встречи участников гонок. Поодаль виднеется большущая юрта, как сопка, даже плоская, как иные холмы.

Стойбище расположено на красивом месте. Слева видна сочка, поросшая кедрачом – место дровозаготовок. А кругом повсюду ровная тундра, и по ней красиво вьётся речка.

Стадо бродит среди юрт – как большая заросль кедрача. Среди оленей едва видны кучки людей. Это женщины потрошат убитых оленей. Мужчины все бегают среди оленей, ловят оленей, намеченных для гонок, чтобы сегодня напоследок испытать их.

Ребятишки играют, привязав друг друга ремнями, тоже будто ловят оленей. Со всех сторон подходят заготовщики дров, чтобы во время праздника не было нужды в дровах.

Распрягают несколько оленевых упряжек – наверное, с какого-то стойбища только что приехали гости.

Близко подъехали мои герои. Миновали всех собравшихся на гонки. Женщины и все, кто был без дела, побежали за ними, но сразу отстали.

Кыяв быстрее всех разогнал оленей, от него даже пар шёл. За ним несся Кайн'ылкут, а за ними все остальные, Хоялхот сзади всех. Эти, сзади ехавшие, казались совсем неподвижными по сравнению со стремительно несущимися будущими участниками гонок.

– Ну-ка! Ну-ка, Кыяв! Кыява разве обгонишь! – кричали зрители.

Пронеслись, остановились, выпрягли, отпустили оленей и разошлись по разным юртам. Хоялхот вошёл в ту юрту, где были Тэкъевовы. Жильё полно дыма, потому что юрта сырая, нет тяги. Постельные шкуры старые, грязные.

– Привет! Наконец-то! – в один голос воскликнули обитатели этой юрты.

– А мы к гонкам готовимся, – сказал седоголовый старик, лицо его всё испачкано и руки грязные. Это Тэкъев.

– Сородич! Говорят, ты уже жену привёз в дом? Где же невестка? – спросила старуха, совсем седая и с гноящимися глазами – это жена Тэкъева Ычалыко.

– Да, наверно, уже подъехала. Немного от нас отстали, потому что мы, подъезжая, разогнали оленей, – ответил Хоялхот старухе.

Старуха принялась приготовлять чай. Старик налаживал бубен, необходимый для завтрашнего праздника. Вскоре вошла Мэллё, сопровождаемая четырьмя девушками, – одна из них белолицая, чисто вымытая – сестра Калян'. Они вчера ещё

приехали. Другие – обыкновенные девушки, тоже без татуировки на лицах*.

Все уселись в кружок внутри полога. Поставили миски с мясом. Новоприбывшие начали есть.

– Одни сухие жилы. Чего ещё у нас увидите? Потому что хозяйка жадная. Правда, самых жирных оленей убили они к празднику. Лучше в соседней юрте погостите, там всё же по-жирнее кусок получите, пожалуй, – сказал старик Тэкъев.

– Ладно и это. Как же иначе? Все богачи такие. Чем богаче, тем жаднее. Ох, и жаден же народ богатейский! Мне бы так разбогатеть, никогда бы, кажется, не пожалел еды для работников, – сказал Хоялхот.

– Вот, верно! – со смехом сказала старуха. – Что ж, вот бы вам и начать устраивать жизнь по новому закону...

– Глядите-ка, сейчас игру затеют! Вон уже тюленьи шкуры приготовляют, – сказала сестра Калян' Тэккыт.

«Приехала ли Калян'? – про себя думал Хоялхот. – А если и приехала – не всё ли равно...»

Здесь больше нечего было делать. Хоялхот пошёл в большую юрту. В ней насчитал четырнадцать больших пологов. Все шесть краснели, увешанные кусками жирного мяса. В каждом пологе тесным кругом сидели люди и оживлённо разговаривали. У иных лица лоснились от пота, так разгорячились в спорах.

– Ну разве сравнить моих оленей с другими! – спорил завтрашний участник гонок Алыкку, очень толстый и рыхлый от жира.

Хоялхот подсел к молодёжи, сидевшей за чаем.

– Привет! – восклекнули юноши. – Что же, завтра померяемся силами? А ну, пей чай повеселее!

– Будешь гоняться? – спросил какой-то толстощёкий парень, хорошо одетый, недружелюбно глядя на Хоялхота.

– Попробую, пожалуй, – сказал Хоялхот.

– О, о! – снова сказал тот ещё более язвительно. – Ну, попробуй только меня обогнать, сразу, как приедем, поскакываем кухлянки! – сердито закончил толстый парень – это был Йыккавав.

– Э, да я слаб, сразу меня уложишь, – сказал Хоялхот.

– А ну-ка, ну-ка, валяйте, товарищи! – начали подстрекать их окружающие. – Так, так Йыккавав! Э-хэ-хэ, Хоялхот, тебя одолевают!

– А вы лучше борьбой порешите! – вдруг предложил кто-то.

— Эй! Чего там промеж них? — воскликнул стариk, сидевший поблизости. — А ну-ка, скидывайте кухлянки! Мы в молодости, бывало, чуть что скажут, сразу кухлянки долой*.

Йыккавав вскочил, схватил за руку Хоялхота и сказал:

— А ну, выходи на борьбу!

Хоялхот не отказался, сразу последовал за Йыккававом наружу.

— Если одолеет тебя, я приду на выручку, — шептал Хоялхоту чуть не каждый из тех, что были в грязных кухлянках. — Не думай, что он силен, он совсем бессильный.

Едва выйдя из юрты, Йыккавав сдернул кухлянку, с силой бросил её на снег и принялся натирать снегом голые руки и плечи со словами:

— А ну-ка, ну, покажи, какой ты сильный!

Хоялхот не спеша снял кухлянку и приготовился к нападению.

Народ начал скапливаться вокруг снявших кухлянки. Со всех сторон Хоялхот слышал голоса:

— Гляди-ка, что хотят делать!

— А новоприбывший-то совсем красавцем выглядит.

— Гляди, на плечах и на руках мускулы-то какие! Этому что сделаешь, грудастому, каждый мускул весь виден!

Сошлись. Йыккавав бросился под ноги. Хоть и ловок был, а ничего не вышло. Снова бросился, вознамерившись изо всей силы нанести удар по щеке, но Хоялхот отвёл его руку, да так, что тот и сам чуть не опрокинулся.

— Ловко! Теперь ты обороняйся! — кричали зрители.

— Он пусть на тебя нападает!

Йыккавав неохотно приготовился обороняться.

— Гляди, он приготовился к защите! — со всех сторон доносились голоса зрителей.

Их скопилось ещё больше, чем давеча, многим даже не видно борцов, которые вплотную окружены.

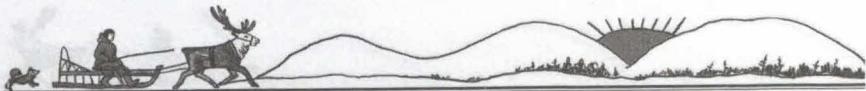
Хоялхот ловко напал и незаметно обхватил защищающегося. Хоть тот и попытался извернуться и вырваться, однако словно в капкан зажало его руки и потянуло куда-то.

— Ой, худо! Как телёнка на аркане тянет его!

— Браво, Хоялхот!

Рвётся Йыккавав. Но вот Хоялхот схватил его за ноги и взвалил на плечи, понёс и положил на грузовые нарты.

Беда! Весь народ чуть не помирает со смеху. Кричат Хоялхоту:

— Ай да силач, товарищ!

Йыккавав, едва встал на ноги, снова набросился. Сам на себя не похож. Снова хотел по щеке ударить, не вышло. Опять напал, однако, как и прежде, — не удалось.

А народ кричит кругом:

— Без сил куда лезешь?

— Обороняйся лучше!

Потом, видно, надоели Хоялхоту никчёмные нападения, изловчившись, он бросился навстречу противнику, с размаху ударили его по щеке да вдобавок ещё ногой поддал в левый бок. Что же, этот Йыккавав сперва покачнулся от первого удара, потом упал, носом в снег сунулся и не вставал долго — наверно от удара в ухо так плохо ему стало.

А люди, столпившиеся кругом, только смеялись и говорили ещё не вполне очнувшемуся Йыккававу:

— Не лезь зря к человеку, которого впервые увидел.

— Вот, размяли тебя, как кусок сущёного мяса!

Больше никому не захотелось напасть на Хоялхота, потому что узнали его силу. Да Хоялхот и не ждал, сразу надел кухлянку.

Уже совсем стемнело.

7

После борьбы все совсем по-другому стали относиться к Хоялхоту — внимательно и заботливо. А соперник его с лицом красным, как кислая печёнка, быстро надел кухлянку, скрылся в толпе и исчез куда-то до следующего дня.

— А ну-ка, давайте играть! — донеслись откуда-то голоса девушек.

Изо всех юрт, как муравьи, потянулись желающие принять участие в игре: юноши, взрослые мужчины, женщины, девушки — без малого почти весь народ, пожалуй, только старухи да старики не вышли играть.

Игроки собирались возле юрты. Озорники парни хлопали по спине подходивших девушек и всех, кто приходил сюда. Гомон стоял, как в стае ворон, когда одна из них попадёт в капкан, поставленный ребятишками, а вся стая с криком кружится над пойманной.

Несколько человек принесли две моржовые шкуры с продетыми по краям ремнями — для удержания руками. Расходившийся

народ со всех сторон ухватился за шкуры, а на середину одной из шкур толкнули Хоялхота. Начали катать его по шкуре, потом подкидывать. Хоялхот взлетал высоко, вставал на шкуру и снова летел вверх.

Иногда ему казалось, что луна где-то внизу, у него под ногами, а иногда – высоко над головой.

Вдруг, взлетев вверх, Хоялхот в толпе зрителей увидел лицо... Каляан'... Смотрит прямо на него. Глаза, как искры, светятся.

Каждый раз встававший на ноги при падении на шкуру, Хоялхот в этот раз упал навзничь, так был ошеломлён. Тотчас слез со шкуры и очутился рядом с Каляан'.

– Привет! Когда приехала? – шёпотом спросил её наш бедняга.

Каляан' не произнесла ни слова в ответ.

– Я спрашиваю, когда приехала? – снова спросил Хоялхот с надрывом в голосе, как ребёнок, который вот-вот расплачется.

И выглядел-то он сейчас совсем как мальчишка. Если бы Каляан' хоть что-нибудь сказала ему, расплакался бы тут же по-мальчишечьи. Но тут вдруг подошла к нему жена Мэллё. Сердце Хоялхота чуть не выпрыгнуло, подумал: «Неужели догадалась жена?» Но жена ни о чём не догадалась, сказала с улыбкой:

– Сходил бы чаю попить, игрок. После чаю опять поиграешь.

Увидела Каляан', стоявшую рядом, и её позвала чай пить – ни о чём не знает.

Каляан' приняла её приглашение. Все трое побежали к юрте Тэкъева.

Прибежали и сразу принялись пить чай. Чай пили молча. После чаю Каляан' ушла. Супруги вдвоем забрались в пустой полог.

– Опять играть пойдёшь? – спросила Мэллё мужа.

– Давай лучше мы с тобой на пару поиграем, я ведь старик уже, а ты моя старушка, – Хоялхот сказал это, чтобы жене и в голову не пришло, что с ним давеча произошло что-то.

Сказал, обнял её, положил руку ей на грудь, и никто из них не заметил, как потух жирник, – сам собой, или ветром его задуло, или нарочно потушил кто-нибудь из бывших поблизости.

Выйдя оттуда, снова пошёл к игрокам. Перебегая глазами по лицам, искал свою прежнюю «тоску». Не мог найти среди игроков.

Какие-то две девушки, обнявшись, прыгали на моржовой шкуре. Вдруг одна из прыгавших подскользнулась, упала, другая на неё. Та, что была внизу, осталась лежать без движения, пришибленная падением товарки, а также от удара головой о моржовую шкуру. Сразу перестали растягивать шкуру. Подняли упавшую – оказалась Калян'!... Вот она чуть пошевельнулась...

– Скорее несите её в просторную юрту, чтобы ей не душно было! – воскликнул кто-то.

Тотчас Хоялхот и Тэккыт взяли её и отнесли туда.

8

Стало светать. Подходил, приближался нетерпеливо ожидаемый день радости, день веселья чавчувенов*.

Женщины-хозяйки развели огонь в очагах. Над всеми юртами светлыми огоньками засверкали искры. Из всех юрт повысыпали люди.

На рассвете подогнали стадо. Сразу принялись ловить оленей для гонок и на убой. Ой, и много же участников гонок! Много оленей им для еды убито, площадка для свежевания даже вся темнеет от большого количества работающих над тушами женщин. Кончили свежевать олены туши. Участники гонок начали состязание.

Наш Хоялхот сзади всех поехал.

Женщины своим делом занялись: мясо варят, жировые толкуши делают.

А хозяин сам, устроитель гонок, толстопузый Иикэй на состязание не поехал. Этакому разжиревшему богачу прилично разве на оленях гоняться? Он думал, как бы беднячишкам лишний жирный кусок не достался. Настоящими участниками гонок он считал, конечно, только тех, которые получше одеты. А прочие, по его мнению, – просто «искатели жирного куска». Ничего, если эти изголодавшиеся сегодня поживятся тощим куском – это, по его, по Иикэеву, разумению, в конце концов, даже совсем не плохо. «Что такое бедняк рядом с богачом? Бедняк – ободранец, ничего у него нет красивого. Богач всегда хорошо одет, всё у него исправно и обо всём понятие имеет. При нём работают безоленные, самому ему нечего изнуряться работой. Да что говорить, богач даже с русскими купцами может дела вести. Поэтому беднячишки не достойны даже взгляда».

В то время все богачи так думали.

Прежде всего были приготовлены жертвоприношения, чтобы не болели устроители гонок да чтобы поели этих жертвоприношений вредоносные духи, сопровождающие участников гонок, и не остались бы эти духи на стойбище. Каждая из женщин взяла по миске, и все вышли. Начали разбрасывать жертвоприношения вокруг юрт. Изредка бросали жертвоприношения на крышу юрты. «Вот, вы, вредоносные духи, мы вам жертвоприношение даём! Ну же, сострадательны будьте к нашему хозяину!»

В юртах подготавливали бубны, на которых будут играть после окончания гонок. Кормили мясом и жиром деревянных человечков*.

Потом начали делить мясо. От каждой туши в каждую миску клали по кусочку. Тэк'ев от нечего делать смотрел, как делили мясо: справа миски богачей – сразу видно, большие и красивые, не сломанные, а с другой стороны плохонькие посудинки, самые разнообразные, поломанные и оббитые. Хорошо видно Тэкьеву, какое мясо кладут в миски. Вызывали досаду женщины, раздававшие мясо: четыре самых жирных хвоста, три грудинки и другие лакомые куски положили для Иикэя. Еще пять хвостов и не менее хорошие куски достались Якову, Йыккававу, Нымылли. В оставшиеся миски положили остатки-обрезки и костлявые куски.

– Эх, вот знатно угощаем этих никчёмных! – сказал Яков, большой оленный богач.

– Да, кабы они, лодыри, к работе так жадны были, как к еде, – сказал Нымылли, зять Якова, прежде не бывший богачом, а теперь разбогатевший благодаря женитьбе и поэтому ещё больше, чем остальные богачи, презиравший бедняков.

– Участники гонок показались! – раздались снаружи звонкие голоса ребятишек.

Все угощавшиеся мясом повысыпали из юрт. Гонщики ещё едва заметны вдали. Ну и гонят же оленей! Впереди трое стараются обогнать друг друга – Йыккавав, Хоялхот и Кайн'ылкут. Прочие поодаль от них едут отдельными группами, а иные совсем позади, поодиночке.

– Эй, эй! – кричали зрители.

Вскоре все трое передних принялись разгонять оленей для последнего пробега. Задний из них Хоялхот, а впереди всех Йыккавав.

– Браво, Йыкка! – отовсюду кричат зрители.

Ещё раз подбодрив оленей, Хоялхот неожиданно обогнал обоих товарищей. Он первым примчался к призу.

Очень богатый приз – лиса и олень – то и другое Хоялхоту.

– Молодец, Хоялхот! – приветствовало его много голосов из группы плохо одетых.

– Хорошо толстопузых богатеев обставил, – тихонько сказал кто-то.

Каждый прибывающий сразу спрашивал: кто выиграл? Беда: многие из гонщиков подъезжают – у кого гоночная нарта без полоза, у кого передок нарты сломан. Как только съехались все гонщики, тотчас Хоялхот вышел и скинулся с себя кухлянку.

– Ну, нападайте на меня, кто хочет! – сказал он.

Сразу бросился на него Кыяв, сын Йикэя. Крепко схватились ребята. Только что взялись, а Кыяв уже и пошевельнуться не может, так стиснут. Как только отпустил его Хоялхот, сразу перестал нападать. В этой борьбе Хоялхот усмирил всех любителей борьбы. После того как одолел Кыява, никто больше не подумал: «Напасть бы мне на этого».

Кончилась борьба. Все стали расходиться по юртам. Богачи совсем почти не разговаривают. Их ставленника победили на гонках, да и в борьбе верх взял этот неряха.

Когда вошли – опять особый обычай: все зажиточные на свою сторону пошли, всю хорошую еду – им. Одеты в красивые одежды, сидят в большом новом пологе – всё для них новое и красивое. Женщины все в пёстрых, расшитых бусами кухлянках, косы – тяжёлые от множества навешанных украшений, торба – тоже разукрашены узорами. На этой стороне весёлый смех, оживлённый разговор: много оленей – ни в чём нужды не будет... Всегда ли?

На другой стороне юрты – сборище одетых в грязные и рваные кухлянки. Женщины в потрепанных кагаглях*. Эта сторона юрты неуютная – шкуры покрытия вылезшие, полога плохие и тесные, заполнены, как верши рыбой. Все чайные доски засаленные. Чай пьют многие из мисок – чашек не хватает.

Красиво одетые пьют чай с сахаром и хлебом. Гости в рваных кухлянках пьют пустой чай, почти что чистую воду.

Заиграли в бубны. Юрта задрожала от грохота, столько пляшущих с бубнами, что и ступить негде. Перед пляшущими поставлены олени головы целые со шкурами. Время от времени на эти головы льют воду, чтобы их не «одолела жажда», а также чтобы у пляшущих «не пересохло горло» (однако всё время то тот,

то другой из пляшущих черпает воду и пьёт быстро и жадно).

Хоялхот – что с ним такое? – и не думает о том, чтобы поплясать с бубном – не бьёт в бубен. Не раз уже кто-то из его молодых товарищей смеялся над ним, говоря:

– Шаманом стать собираешься?

Но хоть и говорили ему это, он ничего не отвечал. Ещё осенью очень боялся ночевать в одиночестве. Думал: «Пожалуй, вредоносные духи меня настигнут». Однако, хоть и сильно боялся он, никакие вредоносные духи его не настигли. Поэтому частенько спрашивал себя: «Почему это вредоносные духи, говорят, невидимы, и почему никто никогда не видал их?» На свой вопрос сам давал себе ответ такой, что, видно, и вовсе нет ничего невидимого, нет и этих вредоносных духов, духов-охранителей, Верховного хозяина. Теперь он припомнил свои прежние мысли.

А плясуны уже пришли в полное исступление, прыгают с бубнами, выкрикивают, бормочут, призывая духов-охранителей. Чуть всю юрту не снесли плясуны с бубнами.

Плясуны кончили свою пляску на закате солнца. В это же время кончили свою еду толстопузые богатеи. Стемнело. Вечером ничего не было. Только зажиточные играли в карты.

Утром на рассвете подогнали стадо. Участники гонок все разъехались по домам. Хоялхот, выигравший состязание, тоже вместе со своей женой вернулся к себе домой.

Хоть один месяц хорошо поживёт, сытно поест – такого жирного оленя выиграл, ездового оленя для еды бить – надолго ли хватит? К тому же и лиса – продаст, возьмёт чаю и сахару. Сamotoму промышлять ему некогда – за хозяйскими оленями следя, разве успеешь для себя что-нибудь сделать?

Едва успели вернуться с праздника гонок, их, только что подъехавших, встретил хозяин, Нутэлкут.

– Привет! Быстро вернулись! – воскликнул он.

Хоялхот вежливо ответил хозяину. Тогда хозяин спросил его, как ему удались гонки.

– Ого, с богатым выигрышем вышел! Ну, на радостях от выигрыша, наверное, отдашь мне лисицу? Весной сменяю её японцу на водку.

– Что ж, конечно, возьми, – поспешил ответить Хоялхот.

Хозяин как ни в чём не бывало, не говоря ни слова, взял призовую лису и понёс её к грузовым саням спрятать, чтобы там наилучшая лисья шкурка ждала торгаша японца.

* * *

Так я кончу писать о жизни Хоялхота, его женитьбе, работе его и его жены.

А Каляан? Что делает эта бедная девушка?

Давно добрая девушка прогнала от себя тоску по Хоялхоту и решила: «Женился, так что тут сделаешь? Буду относиться к нему, как ко всем остальным людям отношусь, — по-дружески...»

Все описанные мною происшествия случились в 1917 году. Видели ли вы, поняли ли жизнь Хоялхота и его работу? Поняли ли, отчего бедняки бедствовали раньше? Постоянно богачи раньше говорили беднякам: «Вы в бедности живёте, потому что ленивы работать! Мы богаты, потому что усердны в работе. Оленей оберегаем от излишнего убоя. Одну одёжину сколько времени носим».

Да, наверно, вы оберегали оленей от убоя для еды ваших батраков — бедняков. А сами вы себя пищей не обделяли. Все отбросы — для батраков.

Эй вы, прежние богачи! Тогда вы думали: «Бедняки нуждаются, потому что ленивы работать». Не так! Кто мог хорошо жить, работая на вас? Довольно этого! Вам, не пригодным для работы, теперь не разбогатеть, потому что за всё должны вы расплачиваться. С этих пор не будет ни богатеев, ни бедняков! С этих пор будет народ равный! С этих пор народ хорошо заживёт!

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

В старину

Лавно стояла в березняке у подножия сопки большая юрта. Издали – словно огромная кочка, потому что покрыта сухой вьцветшой травой, как шалаш юкольника.

Даже никто бы не догадался об этой юрте, не сказал бы, что это жильё, сказал бы: наверное, большая кочка...

Много раз здесь проходили старинные враги коряков, мимо проходили.

Вокруг юрты расположены грузовые и ездовые нарты, тоже накрытые сухой травой. Чуть в стороне стоит сарайчик, на случай, если появятся враги, чтобы там могли укрыться живущие здесь коряки. Вокруг есть места, где можно спрятаться, и немало копий, очень хорошо замаскированных. В сарайчике находятся нарты, на которых уложены шкуры и другая одежда. Всё укрыто ветками кедрача и берёзы.

От сарайчика к юрте нет никакой тропинки. Юрта – как сарай, если рядом стоять – не определишь. Единственное, что юрта круглой формы.

Вышла женщина с берестяным сосудом. На ней меховая кухлянка с очень большим капюшоном, объёмный комбинезон, косы её длинные, торбаза красиво расшиты мехом. Набрала воды и быстро вернулась.

Внутри убранство юрты напоминало заросли кедрача, занесённые снегом, так много было пологов, а дымоход очень узкий. Посередине расположен очаг, а вокруг – деревянная и берестяная посуда.

Вокруг очага сидит народ.

Справа от входа сидят старик со старухой, а дальше от них – пологи их сыновей. Из каждого полога слышатся голоса. Дети у очага играют, словно щенята копошатся.

Вечером

Табун пригнали к дому. Все мужчины среди оленей расхаживают, у каждого в руках аркан.

Возле юрты расположен загон для оленей. Туда каждую ночь приводят табун. Вокруг загона растёт кедрач, который как бы прикрывает стадо.

У входа в юрту стоят женщины, посматривают вокруг: в тундре и на табун.

В табуне есть очень спокойные ездовые олени. Эти ездовые не показывают свой норов, в любое время можно их поймать.

— А где же мой ездовой олень? — спросил высокий, чуть сутловатый старик, ещё недавно бывший могучим богатырём, но ослабевший от старости. Троє его сыновей уже женаты.

Но этот старик — его имя Ёлтыгыйнын — по-прежнему ловок и быстр в обращении с оленями.

— Он посреди стада стоит! — сказал его старший сын, Мэнну.

Мэнну чуть ниже отца, но очень худой и длинноногий, при этом телом коротковат. Одет в летнюю кухлянку без капюшона. За спиной лук и колчан со стрелами. На голове остроконечная шапка из замши.

— Я думал, может, потерялся мой лучший ездовой, — сказал Ёлтыгыйнын, как будто чему-то обрадовался.

— Да в такое суровое время, наверно, уж не потеряется, — сказал Вачакалгын, его ближайший родственник. Вачакалгын невысок, но при этом тучен.

— Ну что ж, тогда забьём вот этого бычка, — сказал Ёлтыгыйнын. Все, кто с ним рядом находился, подготовили арканы, поймали и сразу же забили оленя.

Женщины подошли к туще и начали разделять её каменными ножами.

— Ну, отведайте свежего! — восхлинула молодая женщина. Её лицо — словно проталина ранней весной, до того перепачкано. Это жена Мэнну.

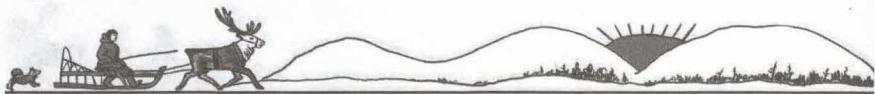
Мужчины подошли, начали есть сырую печень, почки, костный мозг. Как только тушу разделали, её отнесли в юрту и стали готовить мясо, чтобы запечь его у костра. Весь очаг был вкруговую уставлен мясом. Стадо отогнали к склону сопки, расположенной недалеко от юрты.

Как только начало смеркаться, все мужчины, бывшие в табуне, вернулись домой.

— Давайте пока поедим, — предложила крупная женщина с хорошо заплетёнными косами. Все приступили к трапезе.

— Не давайте детям слишком много мяса! — сказал Ёлтыгыйнын.

Детей никогда не перекармливали, лишь давали им кусочки жирного оленьего мяса пососать, это было необходимо, чтобы не худели малыши и чтобы животы у них не росли.

– В это неспокойное время они должны расти лёгкими и прорванными.

Покончив с едой, молодые парни отправились в стадо. Начало смеркаться. Если от юрты взглянуть – стада уже не видать. Только изредка мелькают пёстрые и белые олени.

Сказка

– Не разводите огонь! – приказал Ёлтыгыйнын женщинам. – Вдруг враги где-то рядом, они могут заметить наш костёр.

Женщины, привыкшие слушаться старика, сразу погасили огонь.

– Всё-таки страшновато жить в ожидании нападения врагов, – сказала жена Мэнну.

Все притихли. Никто не заводил разговоров, как будто в ожидании чего-то. Даже находящиеся вокруг мужчины не чувствовали себя спокойно. Наконец Ёлтыгыйнын сказал окружающим:

– Да перестаньте вы бояться. И предки наши так жили. Нас же много...

«...А знаете, давным-давно жил один коряк – богатырь Кэчгынтахъяв, – начал рассказывать Ёлтыгыйнын. – Кэчгынтахъяв жил с женой и двумя детьми. Однажды остались они без еды. И муж решил отправиться на лосиную охоту. Осенью это было. Как только собрался, заморосило, поэтому охотник прихватил с собой кожаный дождевик.

Ещё взял с собой лук и копьё. Вечерело, а он ещё так никого и не убил. В конце концов поднялся на хребет, где всегда бывали бараны.

Как только туда пришёл, сразу дognал и заколол копьём барана. Быстро разжёг костер, чтобы запечь мясо. Сухие дрова хорошо разгорелись, и он поставил печь у огня грудинку.

И вдруг, случайно взглянув налево, в кедрач, увидел идущий на него отряд чукчей, вооруженных копьями. Вот они скрылись за ближайшими зарослями кедрача.

„Ына!* Что же мне делать? Как быть?“ – задумался Кэчгынтахъяв...»

– И-и-ик!* Наверно убьют бедного друга коряка, и останется жена одна с ребятишками! – воскликнула слушавшая молодая женщина.

– Слушайте дальше, – продолжал Ёлтыгыйнын: «....Быстро спрячусь! Ну, подойдите только!, – про себя думал Кэчгынтахъяв», – далее рассказывал Ёлтыгыйнын.

А слушатели почему-то встревожились, как будто уже видится им, как будут закалывать Кечгынтақьява.

«...Кечгынтақьяв спрятался недалеко от костра и ожидал появления врагов.

Вдруг мясо у огня покачнулось, оказывается, это враги пустили в него стрелу. Чуть позже вновь мясо покачнулось, но по-прежнему не падало, потому что стрелы проходили сквозь него.

Враги, наверно, решили: это чавчувен сидит. В конце концов враги подошли к костру и начали над собой смеяться. И сразу приступили к еде.

„Вот этот и есть старший: недаром самый жирный кусок ест“, – про себя подумал Кечгынтақьяв. И сразу навёл на него свой лук и выстрелил в жующего врага, на месте и убил.

Затем стал дождевиком* громко шуршать и воскликнул:

– Вас немного, толстопузых, всех перебьём!

Враги перепугались. Наверное подумали: „Действительно, нас перебьют“. И все пустились наутёк. Даже всё снаряжение своё оставили.

Кечгынтақьяв завладел стрелами и луками, и этим снаряжением обогатился... Вот так наш бесстрашный чавчувен осилил толстопузых врагов», – сказал Ёлтыгыйнын.

– Аж дрожь берёт! – воскликнули слушавшие.

– Сущая правда! Нас много, не стоит нам бояться. Главное, прислушиваться к советам стариков. Если уж один чавчувен сумел победить многих чукчей... – сказал с улыбкой Мэнну.

Все притихли. Друг друга уже не видели, так как совсем стемнело.

В ночном

– Сынок, может, сходишь к оленеводам. Жить-то всё равно надо, – сказал Ёлтыгыйнын своему сыну Мэнну.

Мэнну вышел из полога, захватив лук со стрелами, и сразу направился к табуну.

– Акко! Уже совсем темнеет!

Табун находился недалеко от юрты. Подходя к табуну, Мэнну слегка свистнул. Но никто не отозвался. Двинулся дальше к стаду.

Во второй раз слегка свистнул. И только тогда кто-то рядом откликнулся.

«Вот они, совсем рядом находятся, мои друзья», – на ходу подумал Мэнну.

— Кто идёт? — близко послышался голос Кэчгылкота, высокого и носатого юноши.

— Я, — еле слышно ответил Мэнну.

— Иди сюда. Мы здесь сидим, прислушиваемся, — сказал Вачакалгын, расположившийся рядом с Кэчгылкотом.

— Слушаете? — переспросил Мэнну.

— И, как назло, не идёт враг! — смеясь, сказал молодой парень, очень озорной Котав.

— Да не говори ты так, Котав! — одёрнул лежащий с ним рядом Кэчгылкот, глядя на звёзды.

— Ну, теперь нам надо двигаться к ущелью, — сказал Мэнну друзьям.

— Ток!* Хорошо! — единодушно согласились все и сразу направились к лесу, где находилось стадо.

— Погодите!.. Как будто свистят, — насторожившись, сказал Кэчгылкот. И все остановились. Замерли, словно деревья.

— Чу-у-чу-ук!.. Чу-и-чу-ок! — услышали неясный звук.

— Ах, проклятущий кулик! — с облегчением сказал Мэнну.

— Да, перепугал нас этот куличок! — сказал идущий посередине Кэчгылкот.

— Кажется, вон там вожак, — показал Котав.

— Ну что ж, тогда идём туда и на сопочку взберёмся. Оттуда и будем наблюдать, — сказал Мэнну.

Направились к вожаку.

— Почему это олени не двигаются? — спросил Вачакалгын.

— Наверное, отдыхают, — ответил Кэчгылкот.

— Странно все-таки, что это они даже не шевельнутся, что это за олени такие поганые?

— Да может, это кедрач? — предположил Мэнну.

— Олени, наверное. Просто издали они кажутся кедрачом, — сказал Кэчгылкот.

— Да это же кедрач! Ваши глаза никуда не годятся, превратились в кровяной бульон! — с усмешкой сказал Котав. — Вот, опять я вас спас.

— Только зря утомимся бродить в ночи, — заметил Вачакалгын.

Так ещё несколько раз обманывалисьочные пастухи, принимая в темноте кедрач за оленей.

Но наконец они обнаружили вожака, лежащего недалеко от подножия сопки. Как только оленеводы нашли его, сразу же поднялись на гору.

— Ладно, здесь остановимся и будем внимательно слушать, — сказал Мэнну.

— Ток! — одновременно сказали пастухи.

— Гакко, зря мы так долго блуждали, только сильно устали. Кусты всё время обманывали нас! — сказал Кечгылкот, укладываясь и снимая шапку.

А полночь уже миновала, скоро начнёт стремительно светать. Все друзья улеглись спать. Только Мэнну остался дозорным.

Утром

Начало светать. И табун уже можно хорошо разглядеть. Вокруг леска густо зеленеют холодные и горячие пучки*. Из-за леса показалось, как будто разведённый из сухого кедрачика огонь, солнце.

Оленеводы все ещё спят крепким сном.

«Ох, и спать захотелось, — подумал про себя Мэнну, — может, разбудить кого-нибудь, чтобы я вздрогнул. А впрочем, не буду будить. Всё равно скоро солнце начнёт подниматься, тогда я их и разбуджу. Соберём стадо и пойдём поближе к дому...»

Поглядывает кругом и прислушивается, хотя ничего необычного не видит и не слышит. Только иногда олени вспугивают куропаток — они, взлетая, поднимают крик. А оленята ночью сами как куропатки кричат: зовут, разыскивая, своих матерей. С рассветом со склона сопки хорошо видна вся тундра. А в предрассветной тишине хорошо слышны даже отдалённые звуки.

На рассвете Ёлтыгыйнын почему-то лишился сна и вышел наружу.

«Уже светает, — сам себе сказал Ёлтыгыйнын. Направился к грузовым нартам, прилёг на них. — Что же такое со мной происходит, почему мне так беспокойно? Сколько живу, никогда со мной такого не было».

Солнце стало подниматься. Небо покраснело.

«Да, когда-то очень давно, когда я был молодым, враги не смогли нас догнать. Ну что ж поделаешь, если я ослабел. Ничего страшного, у меня есть дети, есть, на кого опереться. Лишь бы они здоровыми были, особенно младший, на будущий год, может, он окрепнет, станет заменой мне...»

Прямо перед ним, словно глядит на старика, небольшая сопка, густо поросшая кедрачом и с немальным количеством сухостоя. Однако посреди неё заметна молодая поросль кедрача.

И эта сопка словно чем-то манила Ёлтыгыйнына так, что не мог он оторвать взор от неё. А она словно ведёт с ним разговор: «Помнишь, ты здесь убил жирного медведя?»

Ёлтыгыйнын начал вспоминать недавно убитого на этой сопке медведя: «Иду к табуну, вдруг мне почудилось, что рядом олень пасётся: глаза-то мои уже не так хорошо видят. А когда подошёл поближе, громко крикнул. Медведь вскочил и сразу бросился к этой сопке. Я – вдогонку. Не доходя до кедрача, выстрелил в медведя и убил наповал, как будто по темечку стукнул». Всё это Ёлтыгыйнын вспоминал почему-то с большой грустью.

Эта сопка обыкновенная, ничем не примечательная, но очень скоро здесь произойдут важные события.

– Ёлтыгыйнын! Иди, поешь кровяного супа! – крикнула от входа в юрту женщина.

Ёлтыгыйнын сразу же пошёл есть.

Котав

– Пора, вставайте! Уже и солнце высоко! – громко будит друзей Мэнну.

– Где враги? – подскочил Котав, схватившись за лук и оглядываясь кругом. – Быстрей! Где они? Всех поубиваем!

– Прекрати кричать, дурень! – прикрикнул Мэнну.

– Вот будешь себя так вести, и убьют тебя, – откликнулся из кедрача Вачакалгын.

– Правильно вы говорите! – сказал Котав со смехом. – Это я нарочно так делаю, чтобы вас насмешить, да мне и самому веселиться хочется.

– Когда рядом находятся враги, не делай так. Да и повзрослев ты уже. Когда-нибудь, когда враги будут поблизости, ты так же подскочишь, начнёшь кричать, а они, услышав, прямо на месте и убьют тебя. И друзей своих подведёшь, – начал получать Вачакалгын озорного Котава. Тот, присмирев, слушал Вачакалгына. Вдруг, взглянув вперёд, рассмеялся:

– Посмотрите!

Все обернулись и увидели всё ещё спящего Кэчгылкота. Он крепко спал, раскрыв рот и раскинув ноги. К нему сразу же подкрался Котав, и вдруг Кэчгылкот вскочил.

– Что ты делаешь! – разгневался Кэчгылкот. – Зачем так издеваться? – уже смягчая свой гнев, сказал проснувшийся Котаву.

Котав чуть не падает от смеха.

- Что он тебе сделал? — спросил Вачакылгын.
- Да он мне, спящему, пальцы в рот засунул, — сказал Кэчгылкот друзьям с обидой.
- Все рассмеялись.
- Вы бы лучше воспитывали балованного ребёнка, чем потакать ему! — сердито сказал Кэчгылкот смеющимся.
- Да, он прав, — начал защищать Кэчгылкота сидевший поодаль и натягивавший тетиву лука Вачакалгын.
- Мы все друг другу родные, иногда можно и подшутить над собой, чтобы постоянно не думать о врагах, — сказал Мэнну друзьям.
- Правильно ты говоришь, друг, — сказал Кэчгылкот, — но всё-таки нельзя над спящим издеваться. Если так поступать, то другу можно сердце надорвать, и когда придут враги, он не сможет ничего сделать с больным-то сердцем.
- Ты абсолютно верно говоришь! — поддержал Мэнну. — Ты, Котав, больше так не озорничай! Знай, где и когда можно пошутить, посмеяться.
- Ну, ладно, я больше так не буду шутить, — ответил Котав.
- Ну, а теперь давайте стадо собирать, — сказал Мэнну друзьям.
- Я тогда останусь здесь дозорным, — предложил Кэчгылкот.
- Все сразу направились к своим постам у стада. Остался лишь Кэчгылкот.

Спящий враг

Котав приблизился к оленям, находящимся в ущелье и жующим зелень. Ущелье густо поросло травой. А на вершине ущелья — густой кедрач. Раздается разноголосый птичий гомон.

— Чига-а-к!* — начал негромко покрикивать на оленей Котав, на ходу срывая пучки. — Ак! Ак!* Противный бык! — за кричал Котав на жующего оленя, остановившегося недалеко от кедрача.

А олень, как будто нарочно, злил Котава: стоял на месте, пристально глядя и продолжая жевать. Немного постоял и убежал в стадо.

— Й-ик! Проклятые, не можете наесться никак, всё время жуете, важенки!

Подошёл к месту, густо поросшему травой.

— Вот они, пучки, уже выросли среди травы, — с радостью заметил Котав и побежал к зарослям. — Что это? — Вдруг он заметил что-то, темнеющее в густой траве. — Наверное, к чукче я наконец пришёл.

Котав лёг на землю, держа наготове лук. «Надо быстрой подойти к спящему чукче. Один справлюсь, не скажу другим. Или сказать? А вдруг он встанет и сразу убьёт меня? Погоди, подойду-ка поближе, посмотрю, какой он из себя, этот враг».

А враг крепко спит. Ног не видно — травой прикрыты, руки раскинуты, лица тоже не видно, потому что он спит на животе и лицом в землю. И лука не видать — наверное, лежит на нём.

— Йи-ик! — где-то рядом свистит Мэнну.

«Вот проклятый, разбудит чукчу, и он меня убьёт, — обеспокоился Котав. — Тогда скорей пойду к нему. — Котав побежал к свистящему. — А вдруг встал?» — испугался Котав, оглядываясь на чукчу.

Увидел Мэнну, держащего ивовую ветку, потного, бегущего к оленям.

— Мэнну! Мэнну! Вот глухой! Иди скорей сюда!

Как только увидел Мэнну Котава, пригнувшись, держащего наготове лук и смотрящего на него, сразу же побежал к нему.

— Чукчей увидел? — спросил Мэнну, держа наготове лук. — Где? Много? Что делают? С копьями? С луками?

— Один огромный враг спит, — ответил Котав.

— Ну, раз один, мы можем сами справиться!

— А вдруг он нас победит?! — сказал Котав.

— Ничего, мы вдвоём пойдём, ты не бойся!

— Ну что ж, пойдём к нему! — согласился Котав, и они отправились. — Вот в этих зарослях травы он спит!

Поползли к тем зарослям.

«А может, их там много спит? Наверно, Котав, испугавшись, не заметил других и хорошо не разглядел, — размышил Мэнну. — Ничего не поделаешь, начнут убивать — громко закричим».

— Давай, нападаем! — сказал Мэнну Котаву.

Котава от страха охватила дрожь.

— Как только кивну, сразу вскакиваем, — тихо сказал Мэнну Котаву.

Чукчу уже можно было разглядеть.

— Ну что, шевелится?

— Да, как будто чуть-чуть шевельнулся, — заметил Котав.

— Убьём! — ловко подпрыгнул Мэнну и молниеносно выпустил несколько стрел в чукчу. Враг даже не пошевелился, хотя стрелы несколько раз попали ему в голову. Котав лежал без движения, словно мёрзлая рыба зимой. На крик Мэнну сбежались все оленеводы.

— Что случилось? — спросил подбежавший Вачакалгын.

— Вот проклятый! — с досадой воскликнул Мэнну. — Зачем обманываешь: «враг, враг»?.. Мэнну схватил «чукчу» и натянул его на голову Котаву. — Приглядись хорошенько, это же кухлянка, унесённая ветром в прошлом году с нашей юрты! Котав сказал мне, что увидел спящего чукчу! — начал рассказывать Мэнну подошедшем друзьям. — Мы подкрались, а когда я напал для того, чтобы убить его, он словно в камень превратился. А я-то ещё подумал, почему, когда я в него попал, он даже не шевельнулся.

Котава подняли на смех.

— Ты, парень, оказывается, ещё слишком молод, по всякому слушаю дурачишься. Нет, ты ещё не воин! — сказал Котаву Мэнну.

— Забавный же ты! — смеясь, добавил Вачакалгын. — Ну что же, теперь давайте перегонять стадо.

И погнали оленеводы табун на другое место.

Узнали

Кэчгылкот слышал крик Мэнну, когда последний стрелял из лука в спящего «чукчу» — кухлянку. Подумал: «Может, правда пришёл враг?», — потому что слышал раньше разговоры Мэнну об этом.

Потом к нему подошёл Вачакалгын, посланный Мэнну оповестить Кэчгылкота, чтобы он зря не переживал. Как только Вачакалгын закончил рассказ, начали весело смеяться.

Стадо уже отогнали подальше от них, но они, по-прежнему лёжа на земле, зорко оглядывались по сторонам. Справа от них хорошо была видна река с двумя рукавами, с редким берёзовым лесом, вдоль берега местами виднелись заросли травы, но большая часть берега была песчаной.

— Когда-то около этой реки убили мед... — не сумел закончить фразу Вачакалгын, когда глянул в глубь ущелья, туда, где вершина была увенчана сухостоем. Не так давно, утром, сюда же смотрел Ёлтыгыйнын. Незаконченное слово «медведь» так и осталось в раскрытом рту у Вачакалгына, который смотрел в одну точку.

СОДЕРЖАНИЕ

УРКАЧАН Г. Ю. К 90-летию первого корякского писателя	5
ҚОЯЛҚОТ	ХОЯЛХОТ
7 Панэннатвын	Повесть
	(пер. на русский С. Н. Стебницкого) 44
ЭВ'ЊЫТО-ҚОЯВ'ЊЕПЫЛГ'ЫН	ЭВНЫТО-ПАСТУХ
79 Панэннатвын	Повесть
	(пер. на русский Г. Н. Харюткиной) 103
ВАТҚЫЛГ'ЭН КЫҢЭВ'ЧИТ	ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА
Панэннатвын	Повесть
	(пер. на русский Е. И. Дедык, редактор Г. Ю. Уркачан)
139 Айңон	В старину 172
140 Вутқытвик	Вечером 172
141 Лымјыльт	Сказка 174
143 Йыёнвыйк	В ночном 175
145 Йықмитив'	Утром 177
146 Қотав'	Котав 178
147 Таньյытан йылқылг'ын	Спящий враг 179
150 Налкылнав'	Узнали 181
154 Таньяэтың	К врагам 185
157 Кыңэв'чит	Битва 188
159 Тымылг'ыт	Двое убитых 191
162 Ныкита	Ночью 192
165 Энанкангав'гыйын	Сожжение 195
166 Малав'гыйын	Мирное соглашение 196
ДЕДЫК Е. И. Моё слово о Кеччае	201
БЕЛАШОВ А. И. Краткая история создания портрета Кецая Кеккетына	205
Приложения	206
Примечания	210